

ideological renewal which took place after 1945, as well as the cul-de-sac of violent action, led right-radical militants to devise new means of political action, above all in the domain of culture. This gave birth to the "New Right." After the Vichy regime had been overthrown in France, national Catholic-inspired governments remained in power only in Portugal and Spain. The Cold War, the end of colonization and the Second Vatican Council also led Catholic fundamentalists to move their pattern of action onto the cultural sphere. The only real extreme right regime that emerged after 1945 was the Greek dictatorship, and its coming to power was a direct result of the Cold War. However, it was quickly overthrown after it orchestrated an expansionist coup in Cyprus.

The extreme right was doomed to failure when it tried to impose its rule outside of its own national borders. On the other hand, more perceptive extremists understood that there was a demand for populist parties to contest elections within the framework of democracy. These changes in the activities of the extreme right were subject to the balance of power between the East and the West and they were made more difficult by the delegitimizing of everything associated with the regimes which were defeated in the Second World War.

Key words: *fascism, nationalism, Catholic traditionalism, New Right, terrorism, populism.*

После окончания Второй мировой войны страны Южной Европы (Греция, Португалия, Испания, Франция, Италия) быстро перешли к существованию в условиях «холодной войны», что выразилось как в сохранении диктатур на Пиренейском полуострове, так и в гражданской войне, полыхавшей в Греции до 1949 г. Крайне правые силы оказались перед необходимостью собраться и перестроиться в новом порядке, что они и сделали. Упрочение позиций национал-католиков нашло выражение в салазаристском и франкистском режимах. Однако Алжирская война и Второй Ватиканский собор, преобразовавший римско-католическую церковь, дали им новые поводы для собственной агитации и пропаганды в сфере культуры. В парламентских режимах репутация радикальных правых была явно обесценена [1]. Но неудача в борьбе за сохранение французского Алжира позволила им предпринять структурную перестройку собственной идеологии, которая сопровождалась появлением так называемых «новых правых». Неофашисты активно прибегали к насильственным действиям, особенно в Италии времен «свинцовых семидесятых». Борьба с коммунизмом, а затем за ценности, определявшие идентичность и относившиеся к постматериалистическому миру, вызвала к жизни и популистские политические образования.

Национал-католицизм

Смычка между национализмом и католицизмом произошла в Южной Европе еще в конце XIX в. Во Франции журнал «Аксон франсез» начал издаваться в 1898 г. в период активного обсуждения «дела Дрейфуса». Этот журнал уже тогда придерживался националистической и антипарламентской направленности, хотя на тот момент ещё не отбрасывал республиканских идей. С приходом Шарля Морраса (1868–1952) он превратился в рупор «интегрального национализма», постулаты ко-

торого были сформулированы Моррасом. Название журнала дало имя как сплотившемуся вокруг этого издания движению, так и ежедневной газете (1908).

Журнал исповедовал неомонархические взгляды, трактуя монархию как институт, а не как выражение симпатии к потенциальным наследникам престола, которые, кстати, отреклись от этого издания. «Аксон франсез» отстаивала интегральный национализм, наделяя его авторитарными чертами и децентрализаторскими устремлениями. Выше всего она ставила идею порядка, даже если во имя его пришлось бы посягнуть на католическую религию (которой, впрочем, придавалось большое значение) и свести её суть к простому подчинению индивидуума «естественному порядку» (Моррас, не прибегая к мистике, определял такой порядок как «организующий эмпиризм»). Речь шла о том, чтобы совместить «реальную» и «законную» ипостаси страны, положив конец индивидуализму, восстановив естественную иерархию и общинные начала (семья, профессия), уменьшив роль централизованного государства и возродив былые провинции.

На международном уровне идеи Морраса циркулировали с 1919 по 1960-е гг. Самый восторженный приём им был оказан на Пиренейском полуострове. И генерал Франко, пребывавший во главе Испании с 1939 по 1975 гг., и Антониу де Оливейра Салазар со своим «Новым государством» (Португалия, 1933–1970) знали и ценили теоретическую работу Морраса. Интегральный национализм служил источником вдохновения также в Бельгии, Швейцарии, во французской Канаде, Бразилии и Аргентине [2].

В Испании радикализм теолого-политического толка дополнительно подпитывался «карлизмом» – контрреволюционным движением, зародившимся в 1833 г. Он был положен в основу идеи «двух Испаний» и оказал влияние на появление во франкизме в 1936 г. мотива крестового похода.

Способность карлистов приспособиться к местным условиям и их постоянные трансформации проявились особенно после того, как Франко нанес им ряд сокрушительных ударов. Часть из них поддержала левых и приобщилась к идеям самоуправления. Подобный дрейф можно отчасти сравнить с эволюцией ряда членов «Аксьон франсез», которые в 1971 г. образовали «Новую Аксьон франсез» (в 1978 г. они назвали себя «Новым роялистским действием») и, подчеркнув свой окончательный и бесповоротный разрыв с предшественниками, поддержали на президентских выборах социалиста Франсуа Миттерана.

Католический интегризм появлялся и в других странах Южной Европы. Впервые использование этого термина было зафиксировано в Испании в 1880-е гг., когда публицист Рамон Носедал основал Национальную католическую партию, более известную как «Интегрისტская». Несмотря на неодобрение папского престола, склонность «интегрлистов» к антимодернизму продолжала крепнуть. Более того, успехи итальянской христианской демократии, появление прогрессистского католицизма и движение, приведшее ко Второму Ватиканскому собору (1962–1965), породили в качестве реакции активизацию тех, кто продолжал называть себя «католическими интегристами», их стремление сплотить свои ряды и найти новые формы самовыражения. 1945–1956 гг. стали для них временем переустройства и воссоединения. В этот период появилось множество новых журналов и объединений, выступавших в роли идейных наследников «Аксьон франсез» [3]. Да и сам Шарль Моррас, пребывая после войны в тюремном заключении, тоже вернулся к католицизму.

Во Франции в 1946 г., продолжая свою теоретическую работу, начатую еще при режиме Виши в рамках «Юного Легиона»*, Жан Уссе создал «Центр критических и обобщающих исследований», переименованный в 1949 г. в «Католический град», и приступил к изданию журнала «Глагол». В годы Алжирской войны провозглашаемые им идеи интенсивно воздействовали на офицерскую среду – особенно на тех, кто был расквартирован в Алжире и приписан к пятому батальону психологического воздействия, которым командовал полковник Лашруа. Считая себя теоретиком «революционной войны», Лашруа, действуя совместно с полковником Тренкье, внушал офицерскому составу мысль о необходимости установления военного контроля за гражданским населением – поскольку отныне война приобрела тотальный характер и требует от него послушания и беспрекословного исполнения налагаемых войной обязанностей.

С 1956 г. проникновение идей «Католического града» в военную среду обернулось созданием в армии множества структур, руководствовавшихся его взглядами [4]. Значительное распространение интегристская идеология получила среди членов и сторонников «Организации секретной армии» – террористической сети военных и гражданских сторонников сохранения Алжира в составе Франции. По иронии судьбы, национал-католические режимы на Пиренейском полуострове пали именно в результате выступления офицеров («революция гвоздик» в Португалии, 1974) или инициативы монарха (энергичные действия короля Хуана Карлоса по возвращению к демократии в Испании, 1978).

Картина мира, которую рисовали интегристы, выглядела следующим образом. Христианский Запад вступает в схватку с атеистическим коммунизмом, который собирается стереть с лица земли любой след «естественного порядка». В таком эсхатологическом противостоянии вопрос о правах колониальных народов – лишь инструмент подрывной деятельности. Это, в свою очередь, порождает доктрину «национальной безопасности», с успехом экспортируемую за пределы Европы, в частности, в Латинскую Америку.

Подобно пчелиному рою, «Католический град» создавал всё новые группы членов и сторонников, но оставался сосредоточенным на своём основном поприще. На съезде «Града», состоявшемся в 1964 г., были представлены Франция, Швейцария, Великобритания, Австрия, Бельгия, Канада, Испания, Ирландия, Португалия и Габон. Из 1300 присутствовавших на нем делегатов одну тысячу составляли представители Франции и 250 – Швейцарии [5]. Вскоре, однако, «Католическому граду», раздираемому разногласиями, пришлось менять свою структуру и наименование.

Последовавший подъем интегристского движения был обусловлен деятельностью близкого к «Граду» епископа Марселя Лефевра. В ноябре 1970 г. он создал в Швейцарии «Братство священников имени Пия X». Лефевр принадлежал к группе прелатов, не признавших реформы, утвержденные Вторым Ватиканским собором, сочтя их «разрывом с двухтысячелетней католической традицией». Враждебно относясь к экуменизму, он хотел вернуть католицизму роль государственной религии, а церкви – её миссионерские функции. Примерами для него были режимы Франко, Салазара и Пиночета. Созданное им «Братство» быстро распространило свое влияние за пределы изначального фран-

* Юный Легион – движение, связанное с Французским легионом ветеранов (организацией, созданной маршалом Петеном в 1940 г. для поддержки режима Виши). – *Прим. перев.*

ко-швейцарского ареала, но поплатилось за это. В 1988 г. Лефевр и его соратники были отлучены от церкви.

Впрочем, интегрлисты не ограничивались оппозицией Второму Ватиканскому собору. Они поставили под сомнение сам католический характер своей церкви после собора. Самые радикальные из них утверждали даже, что престол Св. Петра следует теперь считать пустующим. Теоретически эти взгляды обосновал в 1978 г. епископ Герар де Лорье. Он утверждал, что с момента принятия собором постановления о религиозной свободе (1965 г.) папа Павел VI и его преемники лишились не только верховной власти понтификов, но и божественного вдохновения. В Италии идея непризнания действующего папы была также взята на вооружение несколькими радикальными движениями из Тренто, отличавшимися откровенным антисемитизмом [6]. Во Франции в роли основного распространителя постулата о вакантности папского престола выступила «Группа католической контрреформации», которую создал в 1967 г. аббат Жорж де Нант (годом ранее он, как и Лефевр, был запрещён в служении). При всем этом аббат не пошёл на полный разрыв с церковью и предпочел вместо этого заняться политической деятельностью, основав «Католическую, королевскую и общинную фалангу», выступавшую за восстановление во Франции монархии и предлагавшую учреждение – в качестве переходного периода – «диктатуры общественного блага» по образцу режимов Франко, Петена и Салазара. До 1985 г. это движение пользовалось некоторым влиянием, в том числе в армейских кругах.

То, что образцами политических режимов служили в данной среде диктатуры Франко и Салазара, не случайно. После падения идеологически родственного им режима Виши дальнейшее существование этих диктатур было далеко не очевидным. Прогнозируя «эффект домино» после краха держав Оси, французские власти даже рассматривали такое развитие событий, при котором франкистский режим рухнет, что приведёт к массовому исходу его адептов во Францию [7]. Некоторое отстранение от стран Оси во время Второй мировой войны и выбор западного лагеря в ходе войны «холодной» позволили данным диктатурам пережить 1945 г. и определили их облик. Не будучи вовлечёнными в годы Второй мировой войны в дела, связанные с восточным фронтом и не страдая манией «второго пришествия», пиренейские диктатуры «работали» над тем, чтобы избавиться от собственных радикалов. Так, франкистское государство укрепляло свои ряды в ходе противостояния «левому» фалангизму

Онесимо Ребондо и Рамиро Ледесмо Рамоса и гораздо более «правому» фалангизму своего предшественника Хосе Антонио Примо де Риверы. С 1958 г. режим свел деятельность фалангистов до незначительного уровня. Подобным же образом Салазар и его «Новое государство» в Португалии усмиряли национал-синдикализм Франшишку Ролау Прету. Как и в случае Испании, праворадикальная партия «Национальный союз» сохранила здесь меньшее значение, чем то, которым обладали административные структуры разных уровней. Корпоративная система, ориентированная на модель итальянского фашизма, была изрядно разбавлена социальным католицизмом.

Новые правые

После установления независимости Алжира национал-католицизму пришлось иметь дело с враждебностью даже в среде крайне правых. Национальный миф, увязанный с католицизмом, вызывал резкую критику и бывших сторонников «Организации секретной армии». На этом фоне явное предпочтение стало отдаваться европеизму и неоязычеству. В этом направлении следует искать и истоки «Новых правых», стремившихся обновить тот паневропейский национализм, основу которому заложили международные объединения неонацистских сил. Поскольку такое обновление происходило в изменившемся социальном и правовом контексте (в частности, во Франции с 1972 г. было законодательно введено строгое преследование за расизм), новым правым представлялось крайне важным найти не только более приемлемую идеологию, но и респектабельное наименование. Большое влияние на эти поиски оказали изменения, происходившие тогда в ФРГ.

Флагманом европейских новых правых выступила «Группа исследований европейской цивилизации». По-французски совокупность первых букв слов, составляющих ее наименование, звучала как GRECE – Греция.

Основал эту группу в 1968 г. из разрозненных адептов европейского национализма со значительной долей неонацистских элементов Ален де Бонуа. Первые двадцать лет ее существования некоторые исследователи (в частности, Пьер-Андре Тагиев) подразделяют на несколько периодов: биологического расизма* и нетерпимости к марксизму (1968–1972); антиэгалитаризма и индоевропейско-

* В оригинале статьи вслед за Пьером-Андре Тагиевым авторы употребляют термин «расиализм»: по мнению П.-А. Тагиева, он отличается от расизма тем, что хотя и объясняет социальные феномены наследственными и расовыми факторами, но не призывает к насилию и дискриминации. – *Прим. перев.*

го культурного расизма, враждебного к идее иудео-христианской цивилизации (1972–1979); антилиберализма и прочих «ограничительных» теорий, не приемлющих всё американское (1979–1983); этно-плюрализма и революционного «третьего пути»* (1984–1987) [8].

На Пиренейском полуострове к восприятию идей «Группы GRECE» добавилось, изрядно осложнив картину, неоязычество [9]. Так, в Португалии новые правые во главе с Жайме Ногейрой Пинту решили вновь обратиться к стратегии идейной борьбы, распространяя положения Алена де Бенуа. Правда, такая «консервативная революция» ориентировала публику не на предложивших этот концепт немецких мыслителей (Армин Молер, Эрнст Никиш), а на Рейгана и Тэтчер [10].

После падения режима Салазара его ревностный сторонник Ж. Ногейра Пинту отправился в добровольное изгнание. Он так и остался в рядах клерикально-реакционных правых, закосневших в ностальгии по «Новому государству» Салазара и португальской колониальной империи. В 1980 г. он основал журнал с типичным для новых правых названием «Будущее сегодня». В то же время он вступил во влиятельную американскую неоконсервативную организацию «Херитейдж Фаундейшн», но основой его взглядов по-прежнему оставался традиционный католицизм.

Причудливое сочетание неолиберализма и идей группы GRECE, свойственное новым правым Португалии, естественно, нашло отражение в направленности журнала «Будущее сегодня». С одной стороны, он стремился способствовать возрождению правых сил, а с другой – выступал за ограничение американского гиперкапитализма и критиковал неоязычество, свойственное французским правым. Авторы журнала приобрели в Португалии широкую известность, однако их идеи так и не пришлись по вкусу читателям.

В Италии издавались три журнала новых правых: «Трасгресиони», «Диорама литерарио» и «Футуро презенте». В них нашло отражение специфика итальянских крайне правых, взявших на вооружение идеи Юлия Эвола о наличии некоей «исконной традиции», породившей языческие религии. В результате они не замыкались на одном католицизме. Например, Клаудио Мутти одним из первых в Европе усмотрел пример для европейских националистов в деятельности полковника Каддафи в Ливии и аятоллы Хомейни в Иране. В дальнейшем эту систему взглядов стала транслировать группа «Третья позиция». Её поддержал Алел де Бенуа, определявший шиитский режим в Иране как «революционный традиционализм» [11].

Подобную интеллектуальную игру необходимо воспринимать в общем контексте, свойственном крайне правым радикалам. Если раньше в их рядах находилось место «нацистскому маоизму» и «национал-большевизму», то Мутти добавил к ним «европейский шиизм» – фантастическое сочетание несочетаемого. Идеологическая основа взглядов Мутти при этом не менялась. Он оставался, при всем прочем, приверженцем идеи превосходства арийской расы в духе Юлия Эвола. Очевидно, что, используя понятие «европейский шиизм», его изобретатели рассчитывали активировать ударный потенциал первоначального фашизма, вписав его в новый геополитический контекст. Впрочем, подобные взгляды не нашли поддержки большинства итальянских новых правых.

При всем этом одна из заметных партий итальянских новых правых «Нуова дестра», основанная в 1977 г. молодыми членами «Итальянского социального движения», взяла на вооружение некоторые из этих взглядов. Идеальный вдохновитель партии Марко Тарки критиковал христианство с тех же позиций, что и Алел де Бенуа, усматривая в нём образец универсализма и эгалитаризма. Поэтому, на его взгляд, партия, интересы которой он отстаивал, должна была быть открытой как для католиков, так и для сторонников взглядов Эвола.

Смычка идей Эвола и эволюции новых правых не случайна. Эвола критиковал модернизм как проповедь «обратного развития», проповедуя духовное возвращение к ранним временам, когда традиция находила не только духовное, но и политическое воплощение, превозносил аристократию, отрицал такую форму организации, как политические партии, предпочитая им установления «священного порядка» и определяя расизм не как биологический, а духовный феномен («раса духа»). В том, что относилось к поиску истоков европейской идентичности, к идее объединения этнокультурных регионов или к оценке расизма, многие новые правые исповедовали схожие взгляды.

Новая расстановка сил в фашистском лагере

С 1942 г., когда фашистам потребовалась дополнительная мобилизация людских ресурсов для борьбы против Красной армии, а национальный

* Помимо общеупотребительного значения выражения «третий путь», речь может также идти об организации под названием «Третий путь» – партии во Франции, образованной в 1985 г. и самораспустившейся в 1992 г., однако затем возродившейся уже в XXI в. и запрещённой правительством Франции в 2013 г. Партия выступала против коммунизма, сионизма, всеислия США, транснациональных корпораций и банков; при этом находилась во враждебных отношениях с Национальным фронтом. – *Прим. перев.*

миф сменился европейским, фашистские движения начали превращаться в неофашистские. В 1945 г. радикальный правый экстремизм как политический режим и как идеологическая конструкция был уничтожен. Однако в расплывлённом состоянии и без жесткой привязки к одной стране он продолжал существовать. После войны стали постепенно возникать международные объединения неофашистов; в 1951–1961 гг. были основаны «Европейское социальное движение», «Новый европейский порядок» и «Молодая Европа».

Расклад сил на правом фланге был усложнен «холодной войной». Английский исследователь Роджер Гриффин предлагал считать характеристикой неофашизма 1945–1989 гг. появление международных структур с рассеянным управлением, подобных побегам одного корневища и действующих в области культуры [12]. Однако подобная форма организации была исторически близка французскому фашизму, но чужда организационным структурам зрелых фашистских режимов. Вот почему в послевоенное время могло бы показаться, что радикальные крайне правые «улетучились».

Спустя почти два десятилетия после поражения стран Оси Морис Бардеш, которого в свое время окрестили «самым фашистским из французских интеллектуалов», писал, что «фашистская идеология потерпела столь сокрушительный и всеобъемлющий крах, что это само по себе стало загадкой для историка. Был ли в истории аналогичный случай, когда могущественная идея после военного поражения так же быстро пошла ко дну, подобно огромному кораблю, который, затонув, оставил после себя лишь несколько разрозненных обломков? Кроме альбигойцев, других примеров этого нет» [13].

В 1956 г. ЦРУ, перечисляя в своём докладе деятельных участников «фашистского интернационала», назвало всего лишь 134 фамилии: в их числе 31 немца, 30 французов, 17 шведов, 11 бельгийцев, 10 итальянцев, 9 датчан, 6 австрийцев, 5 испанцев, 3 норвежца, по четыре человека англичан, голландцев и швейцарцев и всего одного финна [14]. Показательно полное отсутствие в этом списке португальцев и греков и общее слабое присутствие именно южной Европы. Неофашизм был представлен прежде всего там, где действовали влиятельные коммунистические партии (например, во Франции и Италии). И это демонстрирует как неофашизм, невзирая на свой дискурс, встроился в антикоммунистический западный лагерь.

О том же свидетельствовал пример Греции. Диктатура «черных полковников» (1967–1974) была единственным праворадикальным режимом, утвердившимся в Европе в послевоенный период.

Неофашистские движения поддержали его идеологически. Но что фашистского было в Греции времён господства полковников, если не считать их антипарламентаризма и антикоммунизма? Власть военной хунты зиждилась на союзе крупной буржуазии и среднего класса. У фашистов были позаимствованы способы управления населением и репрессивный аппарат. При этом отсутствовали как слияние партии и государства (и в виде разрастания партии до размеров государства, и в виде отождествления государственного и партийного руководства), так и планы по созданию «нового человека». Иными словами, те признаки фашизма, которые мы констатируем в случае Греции, относились не к «фашизму как течению», а к «фашизму как режиму» в его наиболее консервативной фазе. По утверждению французского исследователя Пьера Мильзэ, наблюдатели приписывают военной хунте «насеристские»* (популистские) устремления. Однако за внешним «революционным» фасадом скрывалась, по сути, та же политика, до этого которую проводили прежние правящие круги. Просто хунта проводила эту политику более эффективно, удовлетворяя к тому же собственные амбиции [15]. Перефразируя одно из распространенных клише, можно было бы назвать Грецию тех времен «страной выродившегося фашизма». От фашизма ей достались лишь радикальные проявления политической реакции, вписанные в контекст глобального противостояния, свойственного «холодной войне».

Единственным крайне правым движением на Пиренейском полуострове, получившим международный резонанс в годы «холодной войны», был «Испанский круг друзей Европы», созданный в 1962 г. на базе мадридской группы «Молодая Европа» и получивший в 1966 г. статус «культурной ассоциации» с центром в Барселоне. Это объединение стремительно эволюционировало в направлении неонацизма, демонстрируя при этом свирепый расизм и антисемитизм, на которые до него испанские крайне правые попросту не решались. Покровительствовали ему (а возможно и финансировали его) скрывавшиеся в Испании бывшие видные нацисты (Отто Скорцени и Леон Дегрель). Кроме того, группе кое-что перепало «от щедрот» как франкистского режима, так и «арабских шейхов» (причём речь могла идти и о представителях Саудовской Аравии, и о главном муфтии Иерусалима Хадже Амине аль Хусейни) [16]. Группа поддерживала отношения с объединением «Новый европейский порядок» и французскими неонацистами из «Федерации национального и европейского действия». В конце 1970-х гг. на этой

* По имени Гамалея Абделя Насера, президента Египта в 1956–1970 гг. – *Прим. перев.*

основе возникла французская секция «Испанского круга друзей Европы» [17]. В 1979 г. «Круг» учредил «Европейскую национально-революционную партию», но основное внимание уделял изданию антисемитских сочинений и текстов, отрицавших преступления нацизма.

В целом в это время крайне правые радикалы особенно активно внедрялись в культуру и контркультуру. В Греции в 1980 г. по образцу «Испанского круга» было создано объединение «Золотая заря», присоединившееся вскоре к «Новому европейскому порядку». Во Франции сторонники европейского национализма (национал-европеисты) занялись выработкой своей стратегии культурной борьбы. Итальянские неонацисты из группы «Янус» с 1970-х гг. сочиняли и исполняли песни в стиле хард-рок с соответствующими идеологическими текстами. К 1977 г. в Великобритании крайне правые силы стали уделять значительное внимание работе среди пролетарских слоёв населения; произошла поляризация крайне правых сил, действующих в этой среде, и в частности, скинхедов. В 1983–1986 гг. это же фиксировалось во Франции и в Греции [18].

Свинцовые годы

После 1968 г. неонацисты все чаще прибегают к заимствованию ряда положений повестки дня радикальных левых. Это диктовалось их стремлением, избавившись от груза прошлых наслоений, получить дополнительный заряд неконформизма и вновь обрести тот боевой настрой и социальную направленность, которые были свойственны первому фашистскому манифесту 1919 г. В каждой стране соответствующие идеи заимствовались у наиболее влиятельных на тот момент левых течений. «Национал-революционеры» Франции вдохновлялись троцкизмом, итальянцы черпали вдохновение в маоизме, испанцы – в анархо-синдикализме.

В Испании в обстановке разложения франкистского режима неонацисты стали активно ссылаться на преследования со стороны Франко. В это время возникло множество различных фаланг, каждая из которых провозглашала себя самой подлинной, социально ориентированной и боевой – в отличие от всех остальных. Одной из них была созданная в 1976 г. «Испанская традиционалистская фаланга хунт национального синдикалистского наступления». В 1983 г. члены объединения «Национал-революционной молодёжи», возникшего в 1978 г. после раскола «Испанского круга друзей Европы», создали так называемые «Автономные базы» – своеобразную сеть низовых групп, подобную тем, которые

уже действовали в Германии и Франции. Хотя эти группы укоренялись, главным образом, в мадридских университетах, они стали значимым элементом «национал-революционного» движения Испании. При этом они попытались сделать своим символом имя легендарного испанского анархиста Дуррути, сражавшегося против фашистов в годы гражданской войны в Испании.

Рост популистских настроений внушал «национал-революционерам» надежду на то, что в 1980-е гг. им удастся выбраться из трудного положения, в котором они оказались в постфранкистской Испании. Ставка делалась ими и на международные контакты. 3 апреля 1987 г. «Автономные базы» и «Испанская традиционалистская фаланга...» участвовали во встрече в Париже, инициированной французской группой «Третий путь». На встрече присутствовали также «Партия новых сил» (Бельгия) и «Движение национального действия» (Португалия). Ее участники утвердили разработанную французским «Третьим путём» «Хартию идеологических принципов». В начале 1986 г. «Третий путь» опубликовал свой вариант «Манифеста европейской нации», под которым затем подписался ряд неонацистских организаций. И первыми в их числе были испанские фалангисты. После Парижской встречи к образовавшейся сети примкнули «Третья позиция» (Италия), «Третий путь» (Швейцария) и только что появившийся на тот момент «Третий путь» из Испании [19].

Эпоху, наступившую после 1968 г., нередко называли тогда «свинцовыми годами». Она во многом являлась прямым продолжением предшествующей превентивной контрреволюции, а также была связана с опытом антитеррористических действий, полученным в ходе Алжирской войны. Подражание и стилистические заимствования неонацистов у крайних левых стимулировались также деятельностью греческих «чёрных полковников», прежде всего использовавшимися ими мерами противодействия подрывным планам. Не случайно именно тогда в Греции побывали и итальянец Франко Фреда, и француз Ален де Бенуа [20].

В этой связи необходимо отметить, что тогдашнее геостратегическое положение Италии позволяло неонацистам колебаться между тактикой подрывных действий (в надежде свергнуть Итальянскую республику) и противоположным, по сути, выбором в пользу антитеррористических действий (например, поддержкой государственного репрессивного аппарата). Так, «Группы революционного действия» – боевая структура сторонников фашизма, действовавших в 1945–1947 гг. и

руководимых выходцем из «СД» («службы безопасности» «СС») – стала центром сети «Лос-Анджелес», развернутой ЦРУ для слежки за итальянскими коммунистами [21]. Впоследствии многие члены этой сети пополнили ряды руководимого Стефано Делле Киайе «Национального авангарда» (основан в 1959 г., распущен в 1966 г. и воссоздан в 1970 г.) – организации, участвовавшей в проведении ряда террористических актов, обрушившихся на Апеннинский полуостров, – от теракта на площади Пьяцца Фонтана в Милане в 1969 г. (16 убитых, 88 раненых) до теракта на вокзале в Болонье в 1980 г. (85 убитых, 177 раненых).

Определяющей чертой этого времени стало политическое насилие: из 4290 деяний такого характера, совершённых в Италии с 1969 по 1980 гг., 67,55% приходилось на долю неонацистов из организации «Новый порядок» и её сателлитов [22].

Многие неонацистские активисты, в том числе пребывавшие на воинской службе, длительное время носились с идеей путча. Однако итальянскому государству удалось расстроить их планы. В 1973 г. оно распустило «Новый порядок» (насчитывавший около 2,5 тыс. членов), обвинив его в воссоздании «Национальной фашистской партии». Однако запрет «Нового порядка» вызвал появление новых террористических групп, в частности, «Чёрного порядка», который заимствовал эмблему предшественника и приступил к изданию информационного листка под названием «Нулевой год». Его редактором стал Клементе Грациани – лидер итальянских неонацистов, некогда поставлявший оружие французской «Организации секретной армии» и приобретший навыки как террористической, так и контртеррористической борьбы у её бывших членов, которые создали новое подпольное подразделение под видом португальского новостного агентства «Ажинтер-Пресс». Его подлинной целью было проведение операций против коммунистов в Западной Европе; также оно участвовало в различных акциях устрашения.

Грациани бежал в Испанию, поскольку итальянское правосудие преследовало его за участие в терактах. Однако пребывание за рубежом не стало препятствием для его активного сотрудничества с французом Франсуа Дюпра, начавшим издавать собственный бюллетень «Нулевой год», украшенный изображением обоюдоострого чёрного топора [23].

У европейских неонацистов последовательность в выборе символики была настолько сильна, что даже 20 лет спустя испанская группа «Авангард» продолжала по-прежнему использовать это изображение.

При этом далеко не все правые радикалы полностью отказывались от политической борьбы и участия в выборах.

Партии, участвовавшие в выборах

Основанное в Италии в 1946 г. «Итальянское социальное действие» претендовало на сохранение духа «республики Салó» – созданного силами «СС» марионеточного государства, которое неонацисты считали воплощением очищенного от примесей «революционного фашизма». Для посвящённых аббревиатура MSI (по первым буквам итальянского названия «Итальянского социального действия») расшифровывалась как «Mussolini Sei Immortale» («Муссолини, ты бессмертен»). Долгое время эта партия была флагманом европейских крайне правых. Во время так называемого «длительного мая 1968 г.» она включила в свои ряды главных тяжеловесов антикоммунизма, что позволило ей, выступив как «Итальянское социальное действие – Национальная правая сила», получить голоса на выборах 1972 г.

Эта деятельность послужила примером для основанного в 1969 г. французского неонацистского движения «Новый порядок», которое, следуя тому же образцу, создало в 1972 г. «Национальный фронт». До его успеха, одержанного на выборах 1984 г., именно «Итальянское социальное действие» служило образцом для всех остальных правопопулистских партий. «Итальянское социальное действие» не только помогало финансировать аналогичные ему образования, но и сформировало список движения «Европейских правых» на первых выборах в Европарламент в 1979 г.

Однако получить властные полномочия «Итальянскому социальному действию» удалось лишь после съезда 1995 г., на котором Жанфранко Фини провозгласил обновление партии, окрещённое в свое время, по аналогии со сменой змеёй своей старой кожи, «постфашистской линькой».

В Италии, как и в других странах Европы, возникло лишь одно этнонационалистическое движение – «Лига Севера». Опиралось оно на представление о специфике региона, который, однако, никогда не существовал в прошлом. Североитальянская «Падания»*, о которой так много говорит «Лига Севера», была всего лишь географическим понятием, существовавшим до Первой мировой войны и наполненным политическим смыслом лишь в 1970-е гг. усилиями небольшой группы под названием «Альпийская звезда». «Лига Севера» по-

* Совокупность северных областей Италии (Ломбардии, Пьемонта и других), названная по латинскому обозначению реки По – Паданус. – *Прим. перев.*

заимствовала у неё и символику, и отсылку к Падании. После объединения Ломбардской (основана в 1982 г.) и Венецианской лиг и возникла в 1989 г. база для «Лиги Севера за независимость Падании».

Склонность лидера «Лиги Севера» Умберто Босси перегибать палку, бросающаяся в глаза даже на фоне непростой итальянской политической жизни, позволила Лиге укрепиться в роли антисистемной партии. Ее избирателей привлекал прежде всего проект независимой Падании. Однако форменные рубашки ее активистов (пусть зелёного, а не чёрного цвета) свидетельствуют о том, сколь рискованную игру ведёт её руководство. При всем этом Лиге пришлось проявить и значительную гибкость и заменить первоначальный лозунг независимости требованием автономии Севера. Её сторонники перестали оскорблять жителей юга Италии, пытаясь, таким образом, выйти на общеитальянский уровень. Эти усилия вскоре дали заметные результаты. В 1990 г. Лига собрала на региональных выборах в северных областях около 20% голосов. В 1992 г. на национальных выборах за нее проголосовали 8,6% избирателей.

Иначе обстояли дела у радикальных правых Испании. На общеевропейских выборах 1979 г. испанская партия «Новая сила» получила 2,1% голосов. А уже с 1982 г. ее электорат сократился до 0,5%. Подобная маргинализация, жертвой которой стали и другие неофалангистские силы, свидетельствовали о том, что католический интегризм уже не востребован избирателями. Объяснялось это, главным образом, двумя причинами. Во-первых, «Народная партия» – крупнейшая консервативная партия, основанная в конце перехода от франкизма к демократии, вобрала в свой состав всех умеренных франкистов. В результате на этом фланге просто не осталось кислорода для других правых политических образований. Во-вторых, воспоминания о том, как франкизм подавлял каталонский и баскский национализм, практически лишили крайне правых возможности развернуться именно там, где националистические настроения проявлялись с наибольшей силой.

Несколько лучше обстояли дела для неофашистов во Франции. После того, как государство распустило в 1973 г. «Новый порядок», основная масса правых радикалов нашла убежище в «Партии новых сил», попытавшейся утвердить себя в роли связующего звена всех правых сил. Попытку собрать вокруг себя всех правых экстремистов предпринял также сохранивший группу своих сторонников Жан-Мари Ле Пен. Франсуа Дюпра и некоторые другие правые радикалы убедили его изменить программные установки в преддверии парламентских

выборов 1978 г., переключившись с традиционного антикоммунизма на угрозу нарастающей массовой иммиграции.

Приход к власти в 1981 г. левых (четыре министра-коммуниста и абсолютное большинство социалистов в парламенте) побудил новых правых немедленно переориентировать программы своих партий на вопрос национальной идентичности, выставляя его в качестве идеологического и стратегического противовеса левым идеям. Появление в политической жизни страны (начиная с выборов в Европарламент в 1984 г.) «Национального фронта» позволило объединить вокруг Ле Пена все группировки – как новых правых, так и национал-католиков. Первоначально «Национальный фронт» представлял собой форму компромисса националистических сил. Однако с 1989 г. бразды правления оказались в руках выходцев из среды новых правых.

На протяжении всего рассматриваемого времени коллективный портрет сторонников «Национального фронта» менялся. Одновременно менялись и его результаты на выборах различных уровней. На выборах в Европарламент в 1984 г. список Ле Пена собрал 10,95% голосов. Основу его электората составила консервативная буржуазия, стремившаяся наказать традиционных правых за то, что они позволили левым прийти к власти.

Среди тех, кто в 1981 г. голосовал за правого неоголлиста Жака Ширака, в 1984 г. 21% отдал свои голоса Ле Пену. Для сравнения приведём такие цифры: из тех, кто в 1981 г. голосовал за коммуниста Жоржа Марше, через три года Ле Пену отдали свои голоса лишь 3%.

Партийный список Ле Пена собрал около 17% голосов – как в Нёйи-сюр-Сен, так и в XVI округе Парижа (в самом зажиточном предместье и наиболее шикарном округе французской столицы). Из рабочих за Ле Пена проголосовало лишь 9%, а среди торговцев и мелких производителей – 21%. В первом туре президентских выборов 1988 г. Ле Пен получил 14%. Во втором туре (куда Ле Пен не прошёл) поддержавшие его избиратели проголосовали следующим образом: 65% – за Ширака, 19% – за Миттерана, 16% воздержались. Полученные результаты позволили «Национальному фронту» стать важной частью блока правых и перестать шокировать собственных избирателей.

Заключение

Подавляющее большинство государств и партий, основанных на крайне правой идеологии, было сметено в 1945 г., когда великогерманский империализм расписался в поражении и пошёл на безо-

говорочную капитуляцию. Пережили 1945 г. лишь диктатуры Пиренейского полуострова – Салазара и Франко. Однако заикленность на прошлом и отсутствие устремленности в будущее (иберийские диктатуры, стремившиеся сохранить в неизменности традиционную иерархию в обществе, представляются настолько же «застывшими во времени», как и обособленными в территориальном отношении) привели к краху и эти режимы. В случае с Новым государством Салазара к этому добавляется ещё и неизбежный провал, которым закончилась попытка спасти колониальную империю посредством войн. Всё это запустило процессы, приведшие к «революции гвоздик» 1974 г. Единственным крайне правым режимом, пришедшим к власти в Европе после 1945 г., была «диктатура полковников» в Греции. Однако её судьбу предрешила авантюра с Кипром в июле 1974 г. Единственным режимом, сохранившимся на протяжении жизни его лидера, была диктатура Франко, зажатая между Пиренеями и устьем разграничивающей Испанию и Португалию реки Гуадианы.

Что касается движений крайне правой направленности, то представляется, что все они не только критиковали существующий миропорядок, но и в значительной степени зависели от перемен в нем. Конвульсивные изменения приводили к перереформированию крайне правых групп, которым пришлось проявить заметную идеологическую гибкость, оставаясь при этом зависимыми от сложившихся геополитических рамок – будь то деколонизация или «холодная война».

Политический потенциал фашизма и национал-католицизма пережил породившие их режимы и продолжал существование не столько в виде партий, сохранивших преемственность с предшественниками, сколько в форме «интеллектуальных группировок». Переход от крайне правых режимов к крайне правым образованиям, которые утвердились как своеобразные этнокультурные лобби в рамках общего плюралистического расклада сил, позволяющего сосуществовать разным институциональным силам, продемонстрировал, что видение мира, зародившееся в XIX в., сумело в очередной раз приспособиться к новым реалиям.

Разумеется, последующие десятилетия внесли немало новых элементов в описанную ситуацию. Но это уже другая тема, требующая особого осмысления.

Примечания:

1. Здесь и далее под праворадикальными течениями будем понимать ту часть крайне правых, которая появилась после Первой мировой войны и ко-

торая стремилась ко всеобщей революции (как антропологической, так и социальной), ниспровергая всё наследие политического либерализма. Фашизм является основным, но не единственным выражением радикальных крайне правых взглядов (здесь можно также назвать традиционализм Ю. Эволы, национал-большевизм Эрнста Никиша и др.).

2. *Dard, O.* Charles Maurras. Le Maître et l'action. – Paris, 2013. – P. 236-245.
3. *Girardet, R.* L'Héritage intellectuel de l'Action Française // *Revue française de Science politique.* – 1957. – Vol. 7, № 4. – P. 765-792.
4. *Garrigou-Lagrange, M.* Intégrisme et national-catholicisme // *Esprit.* – 1959. – Nov. – № 271. – P. 515-543; *Schmidt-Trimborn, A.-C.* Charles Lacheroey Discours et conférences. – Metz, 2012.
5. Direction Centrale des Renseignements Généraux. Un congrès de l'intégrisme // *Bulletin hebdomadaire Notes et études.* – 1964. – 5 p., AN 19820599/65.
6. *Loriga, S.* Une vieille affaire? Les «Pâques de sang» d'Ariel Toaff // *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* – 2008. – Vol. 63, № 1. – P. 143-172.
7. Письмо министра внутренних дел Франции французскому же министру обороны, 3 апреля 1946 г. – ADPO 38W66.
8. *Taguieff, P.-A.* Sur la Nouvelle droite. – Paris, 1994. – P. 64-105.
9. Так, в Испании в 1993–2000 гг. выходит издание «Геспериды» под эгидой Хосе Хавьера Эспарса и фонда «Культурный проект «Аврора». «Геспериды» так и не избавились от искушения влиять на выработку идей в лоне испанской Народной партии (притом, что из всех правых партий в Европе она наиболее близка к американским неоконсерваторам).
10. *Marchi, R.* A extrema-direita portuguesa na “Rua”: da transição à democracia (1976–1980) // *Locus: revista de história.* – 2012. – № 8. – P. 167-186.
11. *Le Monde.* – 25.08.1987.
12. *Griffin, R.* Fascism's New Faces (and New Facelessness) in the 'Post-Fascist' Epoch // *Erwägen Wissen Ethik.* – 2004. – Vol. 15, № 3. – P. 287-300.
13. *Bardèche, M.* Qu'est ce que le fascisme ? – Sassetot-le-Mauconduit, 1995 (первое издание – 1962 г.). – P. 85. Альбигойцы – французское обозначение движения катаров, считавшихся католической церковью еретиками; в XIII в. церковь учинила над ними жестокую расправу.
14. CIA. The fascist international, 09.01. 1956. P. 5-16, FOIA 519a6b28993294098d51133c
15. *Milza, P.* Les Fascismes. – Paris, 1985. – P. 445-446.
16. *Casals Meseguer, X.* La Tentación neofascista en España. – Barcelona, 1998. – P. 132-133.
17. Это одно из последствий перегруппировки «Национал-революционных низовых групп» после убийства в 1978 г. их руководителя Франсуа Дюпра, одновременно являвшегося вторым человеком после Ле Пена в Национальном фронте.

18. См.: *Tipaldou, S.* The Dawnin of Europe and Eurasia? The greek Golden Dawn and its transnational link // Eurasianism and the European far right. Reshaping the Europe-Russia relationship. / M. Laruelle (dir.). – Lanham, 2015. – P. 193–219; (eds.) *White Power Music – Scenes of Extreme Right Cultural Resistance. Mapping the Far-Right.* Searchlight Magazine / Radicalism and New Media Research Group / Eds. by A. Shekovtsov and P. Jackson. – Londron, 2012.
19. *Troisième Voie*, TV Rapport d'activités mai 1986 (документ для внутреннего пользования); *Idem*, Pour la France, 1986 (буклет); *Idem*, Pour l'Europe (буклет), 1987; *Boutin, Ch.* L'Extrême droite française au-delà du nationalisme 1958–1996 // *Revue Française d'histoire des idées politiques.* – Premier trimestre 1996. – № 3. – P. 153.
20. Direction Centrale des Renseignements Généraux. Les Groupes de Recherches et d'Études pour la Civilisation Européenne, juillet 1970 // *Bulletin mensuel confidentiel Documentation-Orientation.* – № 160. – 5 p., AN F7/15585.
21. CIA, Net Project: Los Angeles 1947, 41 p. FOIA 519cd821993294098d516f71
22. *Sommier, I.* La Violence politique et son deuil. – Rennes, 2008. – P. 99.
23. *Reiter, F.* Ordine Nuovo Verità e menzogne Riposta alla Commissione Stragi. – Rome, 2007, s.p.; *Laurent, F.* L'Orchestre noir. – Paris, 1978.

